

В утренних лучах необычайно бледная кожа юноши словно светилась изнутри, а в глазах мерцали далёкие звёзды. От его обезоруживающей, искренней улыбки сердце невольно таяло.

Жун Цзинь на мгновение опешил.

«Совсем ещё ребёнок», — с теплотой подумал он и тоже улыбнулся.

Развернув шуршащую обёртку, он тут же отправил леденец в рот. Нежный сливочный вкус с бодрящими нотками прохладной мяты мгновенно растёкся на языке. Сладость оказалась мягкой, ненавязчивой — ни капли приторности, которой обычно грешат дешёвые конфеты.

Глаза Жаньжана нетерпеливо блеснули.

— Ну как? — с надеждой спросил он. — Вкусно?

В глубине тёмных глаз Жун Цзиня заплясали весёлые искорки. Он согласно кивнул:

— Да, очень.

Встретившись с этим тёплым, насмешливым взглядом, юноша вдруг осознал, насколько ребяческим выглядел его жест. Ему мгновенно стало неловко, а щёки слегка припекло от смущения.

К счастью, позади раздался чей-то голос — похоже, съёмочной группе пора было выдвигаться.

Оглянувшись, Чи Фэйжань увидел, что один из коллег призывно машет ему рукой. Повернувшись обратно к Жун Цзиню, он торопливо проговорил:

— Брат Жун, от сладкого всегда поднимается настроение. Мне пора! Ещё увидимся!

И, словно испуганный заяц, легко устремился назад к автобусу.

Старший актёр проводил взглядом его удаляющуюся фигуру, а затем посмотрел на зажатую в ладони конфету. Он так и не понял: обронил ли юноша эти слова невзначай или всё-таки заметил его подавленное состояние?

Догнав остальных, Чи Фэйжань всё же не удержался и обернулся. Заметив, что Жун Цзинь по-прежнему стоит на том же месте, он высоко поднял руку и размашисто помахал на прощание.

— Надо же, Сяо Чи, а вы неплохо ладите с братом Жуном, — подал голос кто-то из актёров второго плана.

Юноша сдержанно взглянул на любопытного коллегу, опустил руку и спокойно ответил:

— Брат Жун очень добр. Он опекает меня просто потому, что я самый младший на площадке. Мы уезжаем, и пройти мимо, не попрощавшись, было бы верхом невежливости.

Собеседник явно хотел скептически скривиться, но вовремя сдержался. Выдавив дежурную улыбку, он лишь хмыкнул:

— Вот как?

За время съёмок Жаньжань уже привык к подобным расспросам и завуалированным колкостям. Почувствовав фальшь в чужом голосе, он лишь вежливо улыбнулся в ответ, давая понять, что развивать тему не намерен.

Любопытствующий было открыл рот, собираясь вывести ещё что-нибудь, но между ним и юношей вовремя выросла внушительная фигура Ли Юаня.

И пускай сейчас у него в подопечных числился всего один новичок, авторитета опытного агента ему было не занимать. Назойливый актёр тут же проглотил готовые сорваться с языка вопросы и поспешил переключиться на других попутчиков.

Всю обратную дорогу Чи Фэйжань держался особняком. Вовсе не из снобизма или пренебрежения к менее популярным коллегам — просто любой разговор с ними рано или поздно сводился к персоне киноимператора.

О себе молодой человек мог рассказывать сколько угодно, но распространяться о Жун Цзине не имел права. В индустрии шоу-бизнеса любая неосторожная фраза могла обернуться грязными слухами, и рисковать чужой репутацией он не собирался.

К счастью, терпеть неловкое соседство пришлось недолго. Сразу по прибытии в город их ждал частный самолёт, отправленный заботливым Чи Цзюнем.

В небольшом региональном аэропорту роскошный бизнес-джет выглядел чужеродно и слишком броско. Вокруг него уже толпились зеваки, наводя камеры телефонов.

Чи Фэйжань заблаговременно нацепил обязательную броню любого айдола — кепку, тёмные очки и маску. Когда они поднимались по трапу, в лицо ему неожиданно ударила яркая вспышка — кто-то из прохожих забыл отключить её на камере.

Чэнь Мэнъян мгновенно заслонил подопечного плечом и торопливо увлёк его внутрь комфортабельного салона.

Оказавшись на борту, Жаньжань с облегчением избавился от маски и очков. В глухих горных лесах зной почти не ощущался, но здесь, на равнине, уже вовсю дышало близкое, жаркое лето.

Благо, в салоне мягко шуршал кондиционер, наполняя пространство спасительной прохладой.

Улыбчивая бортпроводница бережно приняла у него головной убор и аксессуары, проводила к глубокому кожаному креслу и вежливо поинтересовалась:

— Молодой господин Чи, желаете прохладительные напитки или свежавыжатый сок?

Ли Юаня и Чэнь Мэнъяна также окружили ненавязчивым вниманием другие члены экипажа.

Чи Фэйжань попросил стакан минеральной воды, а его спутники выбрали более крепкие тонизирующие напитки.

Едва стюардесса удалилась, Чэнь Мэнъян заговорщически подался вперёд и зашептал:

— Слушай, мы ведь летаем так уже не впервые, а у меня всё равно дух захватывает! Какая же крутизна!

В день кастинга они добирались до места на этом же лайнере. Тогда молодой ассистент едва дар речи не потерял от масштабов роскоши, осознав: жизнь богачей — это совершенно иная, непостижимая вселенная.

И вот они летят во второй раз, а ощущение сказки наяву так и не прошло.

Ли Юань, повидавший на своём веку немало, лишь снисходительно усмехнулся чужому восторгу:

— Работай на совесть, Мэнъян, и со временем это станет для тебя обычным делом.

От этих слов парень воодушевился ещё сильнее и едва ли не прижал руку к сердцу:

— Клянусь, я костями лягу, но не подведу!

Опытный менеджер не сомневался в искренности этого обещания. Любой человек в здравом уме понимал: стать личным помощником наследника конгломерата «Тяньюнь» — это счастливый билет, который выпадает раз в жизни.

Пока они переговаривались, стюардесса подала напитки и изящную папку из плотной кожи с сегодняшним меню — списком изысканных блюд, которые шеф-повар был готов приготовить

прямо во время полёта.

Если в экспедиции на съёмках картины «Рыцарские кости» и было что-то, переносимое Чи Фэйжанем с трудом, так это местный рацион.

Разумеется, руководство проекта старалось кормить команду сытно, но в рамках съёмочного бюджета особо не разгуляешься. Для утончённого вкуса Жаньжана, привыкшего к кулинарным шедеврам лучших ресторанов, пресная походная еда казалась пыткой.

Целый месяц он буквально заставлял себя глотать безвкусные обеды. И теперь, увидев в списке вереницу своих любимых деликатесов, юноша просто не смог устоять и сделал поистине царский заказ.

Впрочем, аппетит у троих молодых мужчин был отменный, да и экипаж самолёта не остался в обиде, так что о расточительстве никто не думал.

Когда на столе появились дымящиеся тарелки, Чэнь Мэнъян окончательно потерял остатки самообладания. С набитым ртом он едва ли не плакал от восторга:

— Боже... это же не просто вкусно, это какое-то кулинарное колдовство!

Сам Мэнъян всегда считал себя неплохим поваром, но теперь осознал, насколько глубоко ошибался.

Филигранное мастерство личного шефа семьи Чи в сочетании со свежайшими ингредиентами премиум-класса превратили обычный обед в гастрономическое таинство.

Ассистент благоговейно смаковал каждый кусочек, в то время как Жаньжань принимал происходящее как должное.

Рождённый с золотой ложкой во рту, он с детства привык к безупречному сервису и роскоши. И пусть последний месяц выдался аскетичным, Чи Фэйжань ни на секунду не утратил изящных манер и чувства меры.

Ли Юань внимательно наблюдал за подопечным. Заметив, что тот вовремя отложил приборы, едва почувствовав насыщение, агент мысленно одобрил его завидный самоконтроль. На фоне уплетающего всё без разбору Чэнь Мэнъяна, который уже собирался вытирать остатки соуса хлебным мякишем, наследник многомиллиардной империи выглядел истинным аристократом.

Бизнес-джет совершил мягкую посадку на частном терминале столичного аэропорта города А. Глава семейства, Чи Цзюнь, лично приехал встретить сына — его представительский лимузин пропустили прямо к летному полю.

Помня о недавней навязчивой вспышке, перед выходом на трап Чи Фэйжань вновь вооружился маской и очками, чтобы избежать лишнего внимания прессы.

Ли Юаня и его помощника увёз служебный минивэн компании, а Чи Цзюнь наконец-то дождался заветного момента наедине со своим сокровищем.

Едва захлопнулась тяжёлая дверь просторного салона, Жаньжань стянул надоевшую маску. Встретившись с любящим, полным нетерпения взглядом отца, он ласково обнял его за плечи:

— Папа, я так скучал.

У могущественного бизнесмена предательски защипало в глазах. Он крепко, по-отцовски прижал к себе своего без пяти минут совершеннолетнего наследника и лишь спустя минуту неохотно отстранился, заглядывая в лицо:

— Жаньжань, ты совсем исхудал! Сильно намучился? Мне докладывали, что условия в этих горах просто первобытные...

Чи Фэйжань поспешил успокоить родителя, весело возразив:

— Ну что ты, папа! Всё было замечательно, мне безумно понравилось!

Единственным минусом была пресная стряпня, но этот пробел он уже успешно восполнил на борту. Понимая, как сильно отец переживает, юноша принялся увлечённо делиться лучшими моментами:

— Режиссёр Цзинь и киноимператор Жун в один голос твердят, что у меня настоящий талант! А какие там заповедные леса, воздух чистейший...

Как ни старался Жаньжань придать своему рассказу беззаботный вид, обмануть любящего отца не удалось. Чи Цзюнь пристально вгляделся в его осунувшееся лицо и со вздохом покачал головой:

— И всё-таки ты похудел. Щёки совсем ввалились!

Юноша неловко улыбнулся. Спорить было бессмысленно: без привычной домашней кухни он действительно сбросил пару килограммов.

— Может, устроишь себе передышку? — осторожно предложил Чи Цзюнь. — Побудешь дома, восстановишь силы.

Жаньжань сразу понял, к чему клонит отец: тот предлагал вновь отложить промокампанию его дебютного альбома. Но пластинка и без того должна была вот-вот поступить в продажу, а самый горячий период раскрутки он уже пожертвовал ради съёмок у Цзинь Хуньяня.

Любой сдвиг в графике выливался для агентства в колоссальные неустойки. Чи Фэйжань прекрасно знал, что отец с лёгкостью покроет любые расходы ради его прихоти, но совесть не позволяла ему вести себя подобным образом. Раз уж он выбрал путь артиста, нужно относиться к делу профессионально.

— Папа, я ведь только начинаю, — мягко отказался юноша. — Сейчас самое время пахать без продыху. Вот заработаю имя, как у брата Жуна, тогда и смогу позволить себе полугодовой отпуск!

Чи Цзюнь, души не чаявший в сыне, ревностно относился к любым его кумирам. Упоминание Жун Цзиня заставило его снисходительно хмыкнуть:

— С твоим талантом ты превзойдёшь этого твоего Жуна в два счёта. Стоит только захотеть.

— Ну что ты, брат Жун — настоящая величина, — улыбнулся Жаньжань.

Отец недовольно поджал губы, в его голосе проскользнули ревнивые нотки:

— Вот как?..

Заметив эту милую слабость, юноша не сдержал искреннего смеха и поспешил добавить:

— Но мой папа, конечно же, самый лучший и сильный на свете!

Лесть подействовала мгновенно. Суровое, волевое лицо могущественного магната озарилось счастливой улыбкой, которую он даже не пытался скрыть.

Чи Фэйжань залез в карман куртки и достал небольшую коробочку, обитую бархатом:

— Папа, это тебе. Маленький сувенир.

Чи Цзюнь растерялся. Он никак не ожидал, что среди суматохи съёмочных будней сын вспомнит о нём и привезёт подарок. Приняв футляр с почти благоговейным трепетом, он тихо спросил:

— Для меня? Специально выбирал?

— Конечно, папа, — тепло улыбнулся Жаньжань.

Осторожно приоткрыв крышку, мужчина увидел на подложке из алого бархата изящную статуэтку Жуи, выполненную искусным мастером из чёрного серебра. Вещь была совсем небольшой, но тончайшая ювелирная работа завораживала взгляд.

— В тех краях трудно найти что-то по-настоящему роскошное, — пояснил Чи Фэйжань. — Зато они славятся своими серебряными изделиями. Сперва я хотел присмотреть что-то практичное, но потом наткнулся на этот амулет. У него прекрасный посыл — пусть все твои желания исполняются.

На самом деле он потратил прорву времени, обходя лавки местных ремесленников. Но ведь ценность подарка измеряется не ценой, а душевным теплом и вниманием, вложенным в его поиски.

Чи Цзюнь заворожённо погладил холодный металл, не в силах сдержать нахлынувших чувств. «Пусть всё сложится так, как ты желаешь» — разве может быть благословение прекраснее этого?

<http://bllate.org/book/18265/1758269>